

Борис Вильде и Ирэн Лот

(Борис Вильде и Ирэн Лот. Фото: <http://museeborisvilde.com>)

1932 год. Сорбонна. На доске объявлений - предложение давать уроки русского языка в обмен на французский. Адрес: «квартира Андре Жида». Писателя, волнующего умы молодых французов и юных русских – эстетствующие юноши увлечены исследованным им «коридонизмом» (платоническим гомосексуализмом!), а девушек привлекает самоуверенность и дерзость знаменитого литератора. Ирэн, дочь французского историка, лектора Сорбонны Фердинанда Лота и сотрудницы журнала «Путь» Мирры Бородинной, грациозная блондинка со светло-голубыми глазами, наивная, легкомысленная, не умеющая жить в быту (со слов ее отца) не могла не откликнуться на манящий адрес. Учителем русского языка оказался Борис Вильде.

«У меня было такое чувство, словно, соединяя наши жизни, я предаю самого себя: впредь я теряю право на одиночество - суровое и дикое... Но это было сильнее меня: с минуты нашей встречи я почувствовал в себе человеческую душу...»

(из дневника Бориса Вильде)

С Жидом непокорный сын диспетчера железнодорожной станции Владимира Иосифовича Вильде и Марии Васильевны Голубевой познакомился с Берлине, куда переехал из Латвии, где изучал жизнь финно-угорского племени ливов. До этого было: крещение трехмесячного Бориса в Петрограде, детство в деревне Ястребино, отрочество, выпавшее на Гражданскую войну и революцию, которые вынудили семью Вильде, состоящую из подростка Бори, его кроткой сестры Раи и заботливой матери (отец умер, когда сыну исполнилось пять) переехать в уездный город Юрьев (Тарту); юность в русской гимназии и юрьевском цехе поэтов. А также – увлечение Советской Россией и попытка пересечь эстонско-советскую границу на деревянной лодке.

Из Германии Вильде переехал во Францию. Он не имел французского гражданства и постоянного места работы. Первое время жил в квартире Андре Жида, где давал будущей жене уроки русского языка.

«Я вряд ли когда-нибудь решусь обзавестись семьей. При моем-то неположительном характере! В Берлине была одна «милая девочка» не прочь сделаться моей супругой – и даже с небольшим состоянием, но моя свобода – пусть и нищенская – мне милей».

(Письмо Бориса Вильде матери. 24 июня 1932 г.)

26 декабря 1933 года Ирэн получила обручальное кольцо. Ее отец, профессор Лот, устроил Борису парижскую прописку, в прошении о которой говорилось, что Вильде выполняет для него «секретарскую работу», а также дает уроки его дочерям и учится в Институте восточных языков. «У жениха скромное положение, но оно без сомнения будет улучшаться, потому что он умен и усерден.

Что касается невесты, то она ничего сейчас не имеет и, кажется, ничего не желает: она живет в мире химер, пока какой-нибудь внешний толчок не вернет ее обратно на землю», - писал Фердинанд Лот Ольге Антоновне Добиаш-Рождественской.

В июле 1934 года Ирэн и Борис поженились. Борис работает бухгалтером в солидной страховой компании, ничего не пишет, но «довольно много» читает, Ирэн служит в Национальной Библиотеке и переводит Бердяева. «В общем, живем мы тихо – выходим очень редко... Я начинаю привыкать к положению женатого человека – что же, пора – уже как-никак, а двадцать шесть лет стукнуло. И кажется, что – несмотря на разницу в происхождении, воспитании, культуре – мы друг с другом сможем хорошо поладить» – пишет Борис Вильде матери 8 октября 1934 года. «Хорошо поладил» Вильде и со всем семейством Лотов: занимается математикой и физикой с Эвелиной, младшей сестрой Ирэн, заботится о здоровье старшей, раз в неделю встречается с профессором, чтоб обсудить политику и литературу, с нежностью и благодарностью принимает подарки матери, Мирры Ивановны.

(С семьей на пляже probablement en Bretagne. Фото: <http://museeborisvilde.com>)

В 1936 году Борис Вильде получает французское гражданство, летом 1937 от Музея Человека едет в командировку в Эстонию – в Печорах собирает материалы о малоизвестной европейским этнологом народности – сету, в 1938 читает лекции в Сорбонне, в 1939 предпринимает командировку в Финляндию, которая срывается в связи с военными событиями. В предвоенном Париже Борис Вильде встречает в семье Лотов свой предпоследний Новый год. Об этом дне пишет сестра Ирэн, Эвелина: «Да, я помню, как мы, все семеро, сидели около моего камина, за круглым столом, а на столе – печенье, фрукты, шоколад. Ирэн достала настоящий кофе. Все это, конечно, в те дни было величайшей роскошью. Борис внес в тот вечер столько веселья, сдержанного, но такого искреннего. Мы все были полны надежд, несмотря на грустную действительность...»

(1937/1938 гг. Фото: <http://museeborisvilde.com>)

Затем была «странная война», побег из немецкого плена в Париж, семь месяцев Соппротивления. 25 марта 1941 года Борис Вильде в последний раз посетил дом Лотов в Фортене-о-Роз. Эвелина записывает в дневнике: «Ирэн встретила его очень сердито: неужели он не знает, что делается, не слышал про аресты, про налет гестапо на Музей Человека? Нет, он все знал, но ему необходимо было вернуться <...> Я вспоминаю потемневшее суровое лицо Ирэн – она сидела на диване, рядом с ней Борис, немного смущенный и растерянный, хотя он и пытался сохранить свой обычный шуточный тон. Родители были явно расстроены, обеспокоены, а я все старалась расспросить его о жизни в той зоне... Потом Ирэн и Борис поднялись к себе, наверх. Я осталась внизу, а мама пошла за ними и потом сказала, что Борис сидит и нервно курит, а Ирэн насупилась и молчит».

«27 июля 1941. Годовщина нашей свадьбы - семь лет. Нашел ли я в браке то, на что надеялся: простое, обыденное счастье? С этой точки зрения - полное разочарование. Но зато нашел то, чего не искал и что бесконечно драгоценнее: я испытал любовь совершенную, пережил чудо. А Ирэн? Ее разочарование, во всяком случае, так же велико, как и мое, а боль еще острее, и я не уверен, что она ощутила все чудо нашей любви. И все же (я в этом твердо уверен), ей тоже очень много дала жизнь со мной - это была ж и з н ь. Понимает ли она это? Поймет непременно, она это может»

(Из дневника Бориса Вильде)

Март 1941 года: Бориса схватили на площади Пигаль и увели в тюрьму Френ, где он провел одиннадцать месяцев, ожидая приговора.

«Любовь с первого взгляда - такая бледная, такая неполная, такая интеллектуальная - и каким чудом она обернулась на самом деле. И как я чувствую, что она бессмертна. Но для того, чтобы это понять, мне понадобились тюрьма»

(Из дневника Бориса Вильде)

Ирэн нанимает адвоката, профессор Лот поднимает свои «связи» - ученые, академики, писатели просят о смягчении наказания еще до того, как произносится приговор. Вильде ведет прения с прокурором и производит впечатление на судей. Эвелина записывает в дневнике: «Сегодня адвокат сказал Ирэн: «Поздравляю вас, ваш муж изумительный человек. Он подготовил целый меморандум по-немецки. Он сказал, что никогда не питал ненависти к Германии, но ему пришлось защищать французскую культуру – и тут он стал перечислять все преступления гитлеровцев против этой культуры. Это была настоящая обвинительная речь, и все слушали молча – председатель его ни разу не остановил...»

Во время допросов в тюрьме Вильде не ответил ни на один вопрос – взял всю вину на себя, сняв часть обвинений с друзей.

«Июнь 1941 г. Иногда мне удается полностью отрешиться от того, что было моей жизнью, - от всего, кроме Ирэн. Не могу оторваться от нее. И в этом - мера моей любви к ней, она одна еще связывает меня с жизнью (минутами). И это чудо. Почему и как я люблю ее?»

(из дневника Бориса Вильде)

23 февраля, 1942. Морозное утро. Прокурор Готтлиб связывается с Ирэн и просит ее прийти на свидание с Борисом как можно раньше. На входе в тюрьму из рук девушки принимают всю передачу - этого раньше не случалось.

Перед тем, как оставить Ирэн наедине с мужем, Готтлиб сказал Вильде несколько слов по-немецки. «Говорит, что каждый раз, как я вас вижу, я должен знать, что это может быть в последний раз», - с улыбкой перевел Борис. Они пробыли вместе дольше обычного - три четверти часа.

Ирэн спустилась вниз - ждала, пока ей вернут чемодан. «Мадам Вильде, мсье Вильде сам принесет ваш чемодан», - сказал подошедший солдат. Действительно - с чемоданом спустился Борис.

- Ничего нового не случилось, ничего плохого? – взволнованным голосом спрашивала Ирэн.

- Нет, дорогая, просто я хотел еще раз вас поцеловать, - спокойно отвечал Борис.

Ирэн предложила мужу взять чистую тетрадь. Он отказался, вырвал два листка и сказал: «Мне хватит». Книг тоже не взял - просил оставить только «Мысли» Паскаля, «почитать на ночь».

После свидания Ирэн не вернули пропуск - «Зачем он вам? Мы и так хорошо вас знаем».

Дома Ирэн открыла чемодан и обнаружила книгу Паскаля.

На следующее утро Бориса Вильде расстреляли. На вырванных из тетради листках он написал свое последнее письмо, адресованное Ирэн.

«Простите, что я обманул вас: когда я спустился снова, чтобы еще раз обнять вас, я уже знал, что это будет сегодня. По правде говоря, я горжусь своей ложью: вы могли убедиться, что я не дрожал, а улыбался, как всегда. И я иду на смерть с улыбкой, как на новое приключение, может быть - с некоторым сожалением, но ни угрызений совести, ни страха во мне нет»

(Из последнего письма Бориса Вильде, 23 февраля, 1942)

24 февраля Ирэн приехала в тюрьму ранним утром. Там ей сказали, что Борис уехал в трибунал. В трибунале посоветовали обратиться к прокурору. Готтлиб произнес отчетливо, по-немецки: «Вашего мужа вчера расстреляли». Накануне Ирэн посмотрела это слово в словаре.

«Я окружен Вашей любовью, нашей любовью, которая сильнее смерти. Не станем сожалеть о нашем бедном счастье, это такой пустяк в сравнении с нашей радостью. Как все ясно! Вечное солнце любви встает из пучины смерти. ... Я расстаюсь с Вами, чтобы вновь обрести Вас в вечности. Благословляю жизнь за все ее щедрые дары!»

(Из последнего письма Бориса Вильде, 23 февраля, 1942)

Ирэн вместе с младшей сестрой Эвелиной поехала к адвокату. Адвокат Крекинг указал на кабинет пастора Штока, присутствовавшего на казни. Девушки вошли, чтобы выслушать рассказ о последних часах Бориса Вильде.

- Мы все были очень, очень веселы. В автобусе пели песни, курили, ели шоколад. Когда проезжали по Парижу, каждый что-нибудь вспоминал. Особенно веселился Вильде.

- А Бориса расстреляли последним?

- Да. Он разговаривал с прокурором. Он сказал: «Я ничего не боюсь. Хочу смотреть смерти в лицо». Это были его последние слова.

О последнем свидании Ирэн с Борисом и первом дне после казни рассказала в своем дневнике Эвелина. Она же вспоминала: «Без нас домой приходил врач и оставил нам четыре таблетки снотворного. Я легла с Ирэн. Она заснула довольно быстро, а я всю ночь не спала. На рассвете я долго смотрела на ее лицо: она спала тихо, не шевелясь. И вдруг она сказала: "Да!" - тихим, решительным голосом. И сама не зная почему, я вспомнила, как она сказала это слово в день их свадьбы...»

(В день свадьбы, 1934 г. Фото: <http://museeborisvilde.com>)